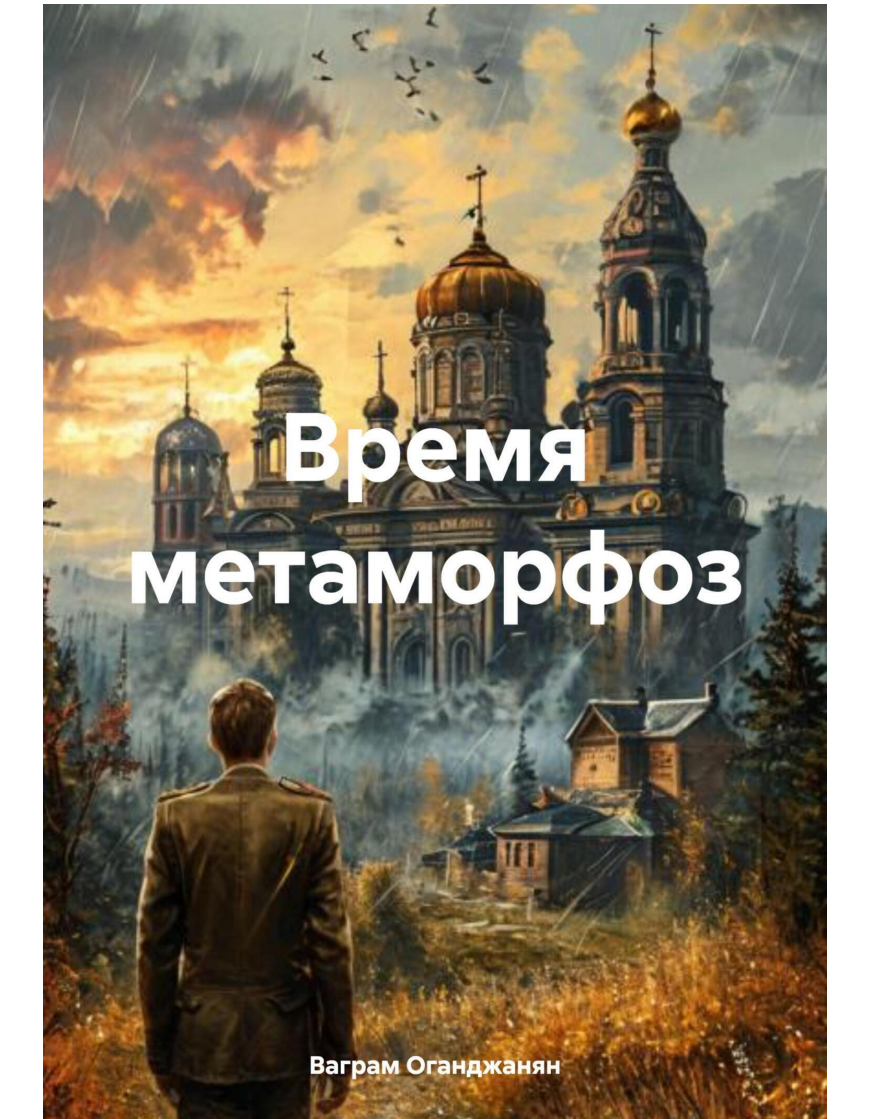

A dramatic painting depicting a man in a military uniform, seen from behind, standing in a field of tall, golden-brown grass. He is looking towards a large, ornate cathedral with multiple golden domes and crosses, situated on a hill. The scene is set during a heavy rain, with raindrops visible as white streaks across the entire image. The sky is filled with dark, swirling clouds, and several birds are flying in the upper portion. In the foreground, to the right, there is a small, rustic wooden house with a dark roof. The overall mood is somber and contemplative.

Время метаморфоз

Ваграм Оганджян

Ваграм Амаякович Оганджян

Время метаморфоз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72025849

SelfPub; 2025

Аннотация

«Время метаморфоз» – это не просто книга воспоминаний. Это подлинная история одной судьбы на фоне распада империи, войны, эмиграции, боли и надежды. Автор с глубоким достоинством и тонким юмором рассказывает о жизни армянина в постсоветской России 1990-х годов, о военной службе, духовных потерях и человеческих парадоксах. Перед читателем раскрывается честный и пронзительный рассказ о мире, где прошлое рушится, а будущее ещё не наступило. Книга трогает до глубины души, пробуждает память, вызывает слёзы – и оставляет свет. Это книга для тех, кто хочет понять, как меняется человек – и что остаётся неизменным.

«Время метаморфоз» – это крик души человека, прошедшего сквозь войну, эмиграцию, потери, предательства и надежды. Это книга о реальности, в которой достоинство – единственное, что нельзя отнять. В каждом рассказе – боль и свет, злободневность и вечность. Это не вымысел, а жизнь. Правдивая, грубая, смешная, иногда жестокая – но всегда человеческая.

Ваграм Оганджаниян

Время метаморфоз

Самара

В древние, очень древние времена, когда Армения ещё не была такой маленькой страной, как сейчас, а Россия – такой большой, когда армянские горы были куда выше, а Российские степи ниже, один армянский купец, нагрузив караван своих верблюдов всяким добром, каким щедро одарила армянская земля, отправился в далёкую, очень далёкую северную страну.

Прошло несколько месяцев. Преодолев множество гор, степей и рек, он наконец добрался до берега широкой реки. С трудом переправившись через неё на лодках, вышел к окраине прекрасного города и встретил местного жителя.

Узнав, кто он по национальности, купец попытался спросить на местном языке:

– Ара, как этот город называется?

– Сам – ара! – раздражённо ответил, по неясной причине, недовольный местный.

С тех пор, говорят, этот город так и зовётся – Самара.

Разумеется, это не народная легенда, ведь её выдумал я сам. Но всё, что я собираюсь рассказать дальше – совсем не

вымысел, а правда, из моей собственной жизни, из того, что я пережил и видел своими глазами.

Когда я приехал в Самару, оказалось, что рубли, которые я годами откладывал со своей зарплаты и переводил в Сбербанк, обесценились до копеек. Три ноля исчезли с суммы моих сбережений – это называлось «дефолт». Выяснилось также, что стране больше не нужны военные строители – все строительные батальоны были расформированы. В штабе округа посоветовали обратиться в штаб военной авиации, где, как оказалось, ещё оставалась одна должность – старшего офицера в тыловом штабе.

Мне удалось устроиться туда на службу. После этого мои товарищи – Мамикон и Карен, с которыми мы до того были вместе, отправились в Арцах.

Я поселился в общежитии, недалеко от нашего штаба. Это было общежитие речного флота, в шутку его называли «Матросская тишина». Общежитие было бедное и обветшалое.

В комнате нас жило трое: я, полковник по имени Владимир Солдатов и один бездомный морской свин, который бегал под нашими кроватями и собирал на свою шёрстку пыль, не убираемую, наверное, с советских времён. Видимо, кто-то из моряков его здесь и забыл. За свои «уборочные» услуги он получал от нас вознаграждение – кормёжку с нашего стола.

После распада советского строя город стал бедным, разо-

рѣнным, разрушенным... Но при этом имел свою радостную окраску. Отовсюду звучала песня про город:

«Ах, Самара-городок,
Беспокойная я, беспокойная я...»

Кругом безработица, предприятия закрывались одно за другим. Каждый выживал, как мог. Люди в основном начали заниматься торговлей – той самой, что раньше называлась «спекуляцией» и строго наказывалась законом.

Появились и процветали так называемые «челноки» – торговцы, которые везли товар из Москвы, Турции и Китая, запихивая его в огромные клетчатые полиэтиленовые сумки.

Моя служба проходила в основном в штабе, но часто меня отправляли в командировки в подведомственные части – «для контроля и оказания помощи», как было написано в командировочных документах. На службе я занимался разными делами: составлял планы, отправлял телеграммы, писал ответы на письма, готовил отчётные документы и так далее.

В свободное время помогал нашим начальникам по строительным вопросам: ремонты квартир, строительство домов и гаражей – всё это считалось в те смутные годы обычным делом. Физический труд солдат тогда ещё активно использовался, как пережиток прежнего порядка, за который пока не существовало строгих запретов.

В нашем отделе нас было двое – я и мой начальник, полковник Булава

Александр Васильевич. При необходимости мы заменяли

друг друга, работы делили поровну – никаких различий в обязанностях не было.

Вскоре наш штаб расширили. Если раньше это был штаб военно-воздушных сил Приволжско-Уральского военного округа, то теперь он стал называться «Командование резерва и подготовки кадров» ВВС страны. Мы сокращённо называли его «КРПК».

Количество подведомственных нам частей значительно увеличилось – в основном это были военные авиационные училища, базы резервов и различные авиационные склады. Они были разбросаны от Северного Кавказа и Азовского моря до Байкальского региона.

С этого момента объёмы работы и количество командировок заметно возросли – мы стали выезжать гораздо чаще.

7 октября 2014 г.

Несчастный случай

С первых же дней после приезда в Самару я начал искать квартиру – нужно было перевезти ко мне жену и трёхлетнего сына из Самарканда. Жена тогда жила у своей старшей сестры Анны в Узбекистане, где обстановка была не самая благоприятная, чувствовалось напряжение. Я спешил – лишь бы найти хоть какое жильё, без особых притязаний.

Лишь спустя два месяца мне удалось снять однокомнатную квартиру на окраине города – на улице с неприглядным названием «Рылская». Название сразу не понравилось: напоминало слово «рыло» – свиное рыло. Прожив там несколько дней и изучив округу, я понял, что не зря у меня с самого начала было плохое предчувствие.

Этот район Самары, где находилась улица Рылская, имел дурную славу. Рабочий квартал на окраине города, полный криминальных элементов и пьяниц. После распада СССР многие промышленные предприятия закрылись, рабочие остались без работы. Тут в основном занимались воровством и пьянством. С наступлением вечера становилось особенно опасно – темно, уличные фонари давно не горят.

Квартиру пришлось ремонтировать за свой счёт. Потом я перевёз в Самару семью. Прожили мы там несколько месяцев. Узнав, что мы приехали из Германии, хозяин квартиры каждый месяц повышал арендную плату и требовал авансом деньги за несколько месяцев вперёд. В конце концов стало невыносимо, мы отказались от той квартиры. К счастью, вскоре нашли более дешёвую квартиру на втором этаже и переехали туда. Опять всё отремонтировали за свой счёт и заселились.

Нашу бывшую квартиру вскоре заняли новые жильцы – армянская семья с двумя детьми. Жили по соседству, так что познакомились поневоле и даже немного подружились. Мужа звали Лёва. Он недавно вышел из тюрьмы, считал себя

вором, да и манеры у него были соответствующие – «по понятиям». Молодой, невысокий, худощавый, с чёрными, хитрыми глазами, блестящими, как у черта.

Я не раз помогал ему, и он, в свою очередь, всегда старался выразить уважение ко мне. Был старше меня, имел какие-то связи с местными криминальными кругами.

Была осень 1994 года. Воскресное утро. Лёва постучал в дверь:

– Доброе утро, апер (брат), можешь выйти на минутку? Дело есть.

– Да, конечно, – сказал я и вышел во двор.

– Что-то случилось, Лёв? – спросил я, заметив его тревожный вид.

– Апер, ты слышал? Говорят, этой ночью здесь под поезд попал армянин, несчастный случай. Может, сходим, глянем, кто это?

– Конечно, пойдём. Ты знаешь, где это случилось?

– Да, объяснили мне. Это на контейнерной станции, труп нашли под мостом.

Контейнерная станция находилась за улицей Рыльской, недалеко от моста улицы 22-го Партсъезда. Под мостом проходили железнодорожные пути, которые чуть дальше разветвлялись – там обслуживались грузовые вагоны подъёмными кранами.

Поспрашивали – и нашли труп нашего соотечественника. Он лежал на платформе открытого вагона, прикрытый кар-

тоном. Я убрал картон и увидел молодого мужчину с чёрными кучерявыми волосами, худощавого телосложения. Тело было перерезано пополам в районе пояса. Сверху – чёрная кожаная куртка, снизу – чёрные джинсы и белые ботинки.

Первая мысль, что пришла мне в голову: это не несчастный случай, это убийство. Я произнёс её вслух, и Лёва удивлённо спросил:

– Апер, с чего ты это взял?

– Посмотри, – говорю, – на одежде почти нет крови. Если бы он был жив, когда попал под поезд, всё было бы залито кровью. И потом – кто так ровно ложится на рельсы, чтобы поезд разрезал его строго пополам? Скорее всего, тело положили уже после смерти, чтобы инсценировать несчастный случай. Глупая постановка.

Порывшись в карманах, я не нашёл никаких документов, кроме приглашения в ЗАГС. Из него стало ясно, что его звали Самвел Казарян, и через неделю он должен был пойти в ЗАГС – жениться на какой-то русской девушке.

Потом мы осмотрели место происшествия. И действительно, крови почти не было – только подтверждение нашей версии: тело убитого подложили под поезд.

Поговорили с работниками станции. Сказали, что уже полдня никто не интересуется погибшим.

– А участковый в курсе? – спросил я.

– Да, сообщили ему. Приходил, посмотрел и ушёл.

– И что он предпринял?

– Ничего. Был пьян, посмотрел и ушёл.

Я записал номер участкового, нашёл поблизости телефон-автомат и позвонил ему. Спросил, знает ли он о происшествии и что намерен делать.

– Знаю. А вы кто? – услышал я вялый, уставший голос, явно с похмелья.

Я представился старшим лейтенантом армии и местным жителем.

– Послушайте, – сказал я, – в конце концов, человек погиб. Может, его убили. Ничего не предпринимается. Хотя бы труп отправьте в морг – он ведь человек...

– Ладно, ладно, что-нибудь сделаем, – отмахнулся он и повесил трубку.

На следующий день вместо службы я поехал в тот ЗАГС, адрес которого был на приглашении. Подождал, пока откроют. Когда пришли сотрудники, я попытался узнать адрес девушки, на которой погибший должен был жениться. Но мне отказали – мол, не имеют права сообщать личные данные посторонним. Тогда я показал их же приглашение и рассказал о случившемся. Сразу же дали адрес.

Поехал по указанному адресу. Дверь сначала не открывали. Сквозь закрытую дверь я рассказал о смерти Самвела. Лишь тогда открыли. Девушка была взволнована, но не как невеста – довольно спокойная.

– Мы с Самвелом должны были пожениться формально, чтобы он получил регистрацию и гражданство. Мы его уже

три дня ищем и не знаем, где он. У него здесь младший брат, я ему сообщу.

– Хорошо, – сказал я, – только позаботьтесь о похоронах. Участковый обещал, что труп будет отправлен в морг.

– Да, да, всё сделаем. Сейчас же сообщу его брату.

Через несколько дней я встретил Лёву.

– Апер, брат погибшего хочет тебя отблагодарить за всё, что ты сделал.

– Лёв, да ты что? – ответил я. – Какие благодарности? У него и без того горе. Пусть лучше займётся похоронами. Если что-то нужно – я помогу.

– Нет, они всем занимаются. Наши армяне помогают, собираются везти тело в Ереван.

Прошёл, может, месяц. Как-то, не помню уж по какому поводу, я спросил Лёву о том парне и его брате:

– Лёв, а как там его младший брат?

– Апера... его тоже убили.

– Как так?! Кто?

– А кто... свои же. Какие-то денежные дела были...

– А старший брат?..

– Старшего брата тоже наши убили, опять какие-то денежные счёты были... – с дьявольски блестящими, чёрными и хитрыми глазами улыбался Лёва.

Во мне проснулись горькие и противоречивые чувства, и глубокое, до тошноты ужасающее разочарование...

Война в Арцахе только что закончилась, и в Армении уже

началась первая волна эмиграции...

10.09.2014 г.

Просроченный долг

Это было в 1994 году. В Самаре стояла суровая, холодная зима. Машина у меня сломалась, и я был вынужден заниматься ремонтом прямо во дворе, под открытым небом. Мне нужна была помощь – хотя бы одна рука, чтобы придержать инструмент, ведь мои пальцы, заоченевшие от холода, были заняты. Я долго возился, но ничего не получалось. В округе – ни души, на улице лютый мороз.

Я так был увлечён делом, что даже не заметил, как ко мне подошёл Санасар – отец единственной приличной армянской семьи в нашем районе. Мужчина под сорок, он давно покинул родной Джавахк и перебрался с семьёй в Самару. Работал начальником цеха на своём предприятии и пользовался большим уважением на улице Рыльская. Мы иногда ходили друг к другу в гости, дружили. Их семья была единственным светлым пятном в этом районе. Добрые, бескорыстные люди.

Я обрадовался – наконец-то помощь подоспела. Буквально несколько минут, и дело было бы сделано.

– Что случилось?.. – с трудом вымолвил он, и я понял, что

он хорошо выпил.

– Машина сломалась, Сано джан. Никак не могу справиться.

– Эх... Ломается и... разбивается... пусть лучше железо... – еле выговорил мой старый друг.

Я ещё не успел попросить о помощи, как Санасар продолжил:

– Пусть лучше ломается железо... Железо можно заменить... А вот жизнь... жизнь человека уже не вернуть... Ты знаешь... по моей вине... по моей вине погиб сын Гамлета. Сын моего друга...

– Как так? Что случилось? – я забыл про машину.

– Что теперь делать? Попросил у меня в долг денег... Я сказал – через месяц дам... Он хотел освободить сына от армии... А его увезли в Карабах, погиб... Что мне теперь делать, как смотреть в глаза Гамлету?..

Он устало махнул рукой и, пошатываясь, направился домой. Был сильно пьян, в таком состоянии я его ещё не видел.

Я стоял, глядя ему вслед, но мыслями уже был в Арцахе – то на поле боя, то в доме Гамлета, потерявшего своего восемнадцатилетнего сына, то рядом с мучимым совестью, покачивающимся Санасаром.

Я задумался. А чем бы закончилась война, если бы каждый родитель освободил своего сына от службы? И что чувствовали те родители в Арцахе, чьи дети – четырнадцать, шестнадцать лет – добровольно шли на фронт? Правильно

ли это – отправлять на бой восемнадцатилетних мальчиков, которые даже не держали оружия в руках, не то что не проходили стрельб и специальных подготовок? И в конце концов, почему именно он – восемнадцатилетний, неопытный, ещё жизни не видевший мальчишка – должен был воевать, а я, Санасар или отец парня – Гамлет – ждали бы вдалеке, в другой стране, в роли наблюдателей?..

Санасар ушёл, неся свою долю вины. Отец убитого юноши лил слёзы за свою. А я... я в глубине души тоже нёс свою. Моя совесть тоже терзала меня...

Всё это было несправедливо. Война – это и есть великая несправедливость...

12 сентября 2014 г.

«Специалист по мебели»

После расширения нашей воинской части должность нашего командира стала генеральской, но звание ему долго не присваивали. Как-то он позвал меня к себе и попросил подобрать по моему вкусу хорошую *стенку* для комнаты отдыха в кабинете одного крупного московского чиновника. Сказал, что от этого зависит его очередное звание – генерала.

После долгих поисков мы остановились на одном вариан-

те – по-моему, шкаф назывался «Славянка». Через несколько дней после отправки мебели командир снова вызвал меня. Был сильно раздражён, начал возмущаться, что не хватает некоторых частей мебели, и начальство им крайне недовольно. Из-за моей «не профессиональности», как он выразился, теперь вряд ли он скоро станет генералом.

– Может, части перепутали? – предположил я. – Неправильно собрали?

– А я откуда знаю? – раздражённо ответил он. – Раз уж я тебе поручил такое деликатное и ответственное дело, теперь сам выясняй причины и доводи дело до конца!

Я предложил взять ещё один такой же комплект мебели и на месте всё заменить. Идея ему понравилась. Оставалось только уговорить хозяина магазина временно дать ещё один комплект – бесплатно, до тех пор, пока первый не вернётся. Предложение казалось маловероятным, но, к моему удивлению, он пошёл нам навстречу и без раздумий согласился. Я оставил лишь записку, что обязуюсь всё вернуть.

На следующий день мы доставили мебель в Москву на самолёте. В аэропорту меня уже ждала грузовая машина. Добравшись до места, я представился как специалист мебельного магазина и решил сам выяснить, каких деталей не хватает.

Их «специалистом» и мастером по сборке оказался некий прапорщик, которому, как оказалось, все доверяли как «знающему и умелому» человеку. Оказалось, что он просто пе-

репутал части, и потому сборка провалилась. Я начал собирать по схемам и всё быстро наладил. Я специально попросил, чтобы мебель из машины не разгружали – подозревал, что старую придётся вернуть. Всё заняло чуть больше часа. На месте все чувствовали себя виноватыми, что из-за них вышла такая суeta.

В тот же день я вернулся обратно самолётом и сдал мебель в магазин. Больше всех был доволен наш командир – «лицо ему спас», как он сам сказал.

Получение генеральского звания тоже не заставило себя ждать. Вскоре уже в голубых, широких лампасах, с гордо выпяченной грудью, шагал по штабу наш 43-летний генерал.

10 октября 2014 г.

Угощение Ярмолы

Службу в Самаре я начал в отделении, где нас было всего двое – я и мой начальник. Все поручения командования мы выполняли вместе, и всегда вовремя.

Вскоре отделение расширили и превратили в полноценный отдел, а его, в свою очередь, разделили на несколько подразделений. Вместо двух сотрудников теперь нас стало двенадцать. Объём работы почти не изменился, но вот па-

радокс – отдел перестал справляться со своими задачами в срок. Причина была проста: каждый выполнял только строго свои обязанности и ни за что не хотел делать чужую работу, если кто-то по какой-то причине отсутствовал.

До этого мы с моим начальником, подполковником Булавой, работали дружно и слаженно. Он был очень мягким и добродушным человеком. Но с появлением нового отдела пришли сотрудники из разных мест, назначили нового начальника – уже в звании полковника, и работа пошла совсем по-другому. О какой-либо внутренней гармонии говорить было уже трудно: у всех характеры разные, начались сложные межличностные отношения.

Самым тяжёлым и невыносимым типом у нас был подполковник Ярмола, контролёр «котлонадзора». По национальности украинец, лет сорока пяти. Скользкий тип с наглым взглядом, злобный, коварный. Даже улыбка у него была мерзкой, и довольно скоро я стал ловить себя на том, что не могу смотреть ему в лицо – отвращение. Постоянно провоцировал пустые конфликты, плёл интриги, обожал за глаза поливать людей грязью. Противный, склочный человек.

Летом 1994 года к нам из Москвы, из штаба, приехал с проверкой офицер эксплуатационного управления – подполковник Леонид Беляев. Я знал его с самого начала своей службы – ещё тогда, когда только приехал в Самару и жил один. Семья тогда ещё не переехала ко мне, и пару раз мы с ним ездили в командировки, а потом он даже жил несколько

дней у меня дома – в гостиницу не пошёл. Отношения у нас сложились достаточно тёплые и доверительные.

Беляев хорошо помнил наши старые времена, когда мы вдвоём справлялись с объёмом работы, и уже в первый день прямо высказал нашему новому начальнику недовольство командования тем, что отчёты и документы от отдела приходят несвоевременно. И добавил, что если так пойдёт дальше, отдел снова сократят – оставят лишь двух человек.

Этот разговор происходил уже во время обеда, и наши стали суетиться, чтобы достойно его накормить, – хотели угодить Беляеву. Я посоветовал не ставить на стол спиртное, зная, что после выпивки он становился непредсказуемым и вспыльчивым. Но начальник отдела, полковник Суслов, проигнорировал мой совет и распорядился поставить на стол две бутылки водки.

После нескольких рюмок у Беляева «загорелись глаза», и он начал по очереди критиковать всех, выражая недовольство в адрес каждого и угрожая сокращением отдела. Попытался его урезонить Суслов:

– Вы, Евгений Павлович, вообще молчите! – прервал его Беляев. – Первый, кого стоит сократить – это вы. В вашем подразделении...

Повисло неловкое молчание. И тут его нарушил подполковник Ярмола:

– Леонид Николаевич, – обратился он, – а мою должность тоже сократят?

– А вы вообще что-нибудь делаете? За полгода хоть один документ оформили? Хоть одну телеграмму или ответ на письмо? Сколько раз ездили в командировки?

Ярмола молчал, как провинившийся ученик младших классов: щеки раздул, губу надул – сидел потупившись. И действительно – кроме сплетен и интриг ничем не занимался.

– Моё первое предложение – сократить именно вашу должность...

С тех пор Ярмола потерял покой. Буквально ходил по пятам за Беляевым, льстил, заискивал, даже пару раз довёл его до туалета – будто провожал генерала.

Беляев мне напоминал лису из сказки «Конец Зла»: «Вот пойду, топор принесу, дерево срублю...» А Ярмола – кукушку без сна и покоя. Только в отличие от сказочной птицы, язык у него был – что надо. Но всё равно оставался такой же глупой и наивной кукушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.